

МАРГАРИТА КУЗНЕЦОВА (Сомбатхей)

СИСТЕМА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПАДЕЖЕЙ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract. The Mari system of locative cases

In modern Mari there are three locative cases: lative, illative and inessive. The reason why the lative has survived alongside the other two is that the verbs originally taking the lative still retain such government. As for the functions of those cases, the illative mainly refers to direction, whereas the functions of the lative are more varied, the case expressing place of action and its change in general, as well as various modal meanings.

Keywords: Mari, locative cases, lative, illative, inessive, functions of locative cases.

В данной статье делается попытка проследить развитие системы пространственных падежей марийского языка, определить в ней место обстоятельственного падежа (см. также Kuznesova 1999; 2001).

1. В современном марийском языке к местным падежам относятся обстоятельственный (латив) на *-eš*, направительный (иллатив) с окончанием *-škv* и местный падеж (инессив) с окончанием *-štV* (здесь и далее: $V = e, o, \ddot{o}, y, \ddot{e}$). Первоначально направительное значение имели дательный и современный сравнительный падежи (см. Галкин 1964; 1986; Korhonen 1979 : 10; новую трактовку происхождения падежного окончания компаратива см. Bereczki 2002 : 36).

Из истории марийского языкознания известно, что нормы марийского литературного языка в части падежной парадигмы выработывались и устанавливались в 30-е годы XX века. На первой языковой конференции в 1937 г. в падежную парадигму марийского языка наряду с именительным, родительным, дательным и винительным падежами был включен обстоятельственный (мар. *умландарыме*) со всеми тремя способами пространственной ориентации (*кушто?* 'где', *кушеч?* 'откуда' и *кушко? кушан?* 'куда') — как с послеложными конструкциями, так и без них. В 1938 г. падежная система марийского языка была уподоблена парадигме русских падежей, т. е. в нее были включены творительный и предложный падежи. Пространственные отношения выражались с помощью послелогов *деке* 'к', *дене* 'с', *деран* 'у, около', *деч* 'от', *нерген* 'о', *гыч* 'из'. В 1953 г. во время второй

языковой конференции был принят проект Н. Пенгитова, по которому в систему пространственных падежей вошли инессив (*кушто* 'где'), иллатив (*кушко* 'куда') и латив, или обстоятельственный падеж, с вопросами *кушан? кушак?* Обстоятельственный падеж при переводе на русский язык мог обозначать как направление, так и место (см. Иванов 1975 : 217). После этой конференции вопрос о местных падежах в марийском языкознании официально не рассматривался. На современном этапе развития марийского литературного языка можно было бы вопрос о пространственно-местных падежах снова поставить на повестку дня и предложить включить в его систему аблатив с падежным окончанием *-leš* и элатив с окончанием *-γäč*, который раньше был падежным окончанием (см. подробно Bereczki 2002 : 40—43).

Марийские пространственные падежи в качестве самостоятельных выделены впервые в грамматике М. Кастрена (Castrén 1845). Он различал местный (Inessiv), направительный (Illativ) и отделительный (Elativ) с окончанием *-kic* (*-γäč*). Исследователь марийских местных падежей А. Алхониemi подчеркивает, что авторы грамматик по-разному трактовали вопрос о пространственных падежах: 1) каждый местный падеж определялся ими как самостоятельный падеж; 2) выделялся один общий пространственный падеж, а окончания конкретных падежей объяснялись как его варианты; 3) описательные грамматики, как, например, первая грамматика марийского языка (1775 г.), не выделяли пространственные падежи в качестве самостоятельных падежей, 4) послелого рассматривались как отдельные окончания местных падежей (Alhoniemi 1967 : 12—13). Но, в целом, в грамматиках марийского языка речь шла о четырех пространственных падежах: лативе, иллативе, инессиве и элативе.

Трудности для составителей грамматик в отношении пространственных падежей вызывало

1) сосуществование двух направительных падежей: латива с окончанием *-eš* (краткая форма *-š* встречается в луговом наречии после ударного гласного *-a*), например: марЛ *ялэш/олаш шочынам* 'родился/-ась в деревне/городе', и иллатива с окончанием *-škV* (краткая форма *-š*), например: марЛ *ялыш(ке)/олаш(ке) каем* 'я иду в деревню/город', функции которых зависят от управления глаголов;

2) т. н. послеложные падежи, особенно в случае с падежом на вопрос *откуда?* (марЛ *ял гыч* 'из деревни', *ачай деч* 'от отца', марГ *пöрт гыч* 'из дома', *пöрт дорц* 'от дома'), где каждый послелог рассматривался как отдельное падежное окончание;

3) наличие застывших падежных форм, т. н. непродуктивных падежей, образующих в марийском языке стройную трехчленную парадигму пространственных падежей (*где? куда? откуда?*) и включающих в себя как лативные, так и иллативные формы:

	марГ	марЛ
инес.	<i>доны</i> 'у, около' <i>күшнбй</i> 'наверху, вверху'	<i>дене</i> 'у, около' <i>мјндырнö</i> 'далеко'
иллат.	<i>докы</i> <i>күшкбй</i>	<i>деке</i> <i>мјндыркö</i>
лат.	<i>доран</i> <i>кушан</i>	<i>деран</i> <i>мјндыран</i>
абл.	<i>дорц</i> <i>кушбйц</i>	<i>деч(ын)</i> <i>мјндырч(ын)</i>

2. Из истории развития марийских падежей известно, что в марийском праязыке было большее количество местных падежей: четыре лативных, два локативных и один аблативный (см. Серебренников 1964 : 104—110; ОФУЯ 1976 : 45). И. Галкин реконструирует шесть случаев для латива, два для локатива, один для аблатива (1986 : 24). Развитие пространственных падежей можно представить примерно так:

ф.-у.		прамар. (по И. Галкину)	совр. мар. ¹
1. латив I	* <i>ń</i>	латив * <i>n</i>	латив-датов ² <i>-lan</i>
2. латив II	* <i>k</i>	латив * <i>k</i>	иллатив <i>-š(kV)</i>
3. пбф.-в. латив	* <i>s</i>	иллатив * <i>š</i>	латив ³ <i>-eš</i>
4. пбф.-п.	* <i>l</i>	аллатив * <i>la</i>	аппроксиматив <i>-(š)kəla</i>
		лат. * <i>a</i>	
		лат. * <i>e</i>	терминатив <i>-šken</i>
1. локатив I	* <i>na/nä</i>	локатив * <i>ne</i>	
2. локатив II	* <i>t</i>	локатив * <i>te</i>	инессив ⁴ <i>-št(V)</i>
1. аблатив	* <i>ta/tä</i>	аблатив * <i>t</i>	аблатив ⁵ <i>-leč</i>
			элатив <i>-šeč</i>

Какие выводы напрашиваются?

1) По сравнению с финно-угорским праязыком современная система местных падежей марийского языка сократилась. Сокращение количества местных падежей, точнее, невключение определенных пространственных падежей в падежную парадигму, следует объяснять влиянием русского языка, на основе которого строилась и развивалась грамматика не только марийского, но и других «нерусских» языков, т. е. количество падежей в них подгонялось к шести падежам русского языка (см., например, дискуссии о местных падежах в марийском

¹ Из падежей с непродуктивными падежными окончаниями приведены элатив, аблатив, терминатив, аппроксиматив. Последний падеж Г. Берецки вводит в падежную парадигму марийского языка (см. Bereczki 1990 : 31).

² Коаффикс *-l-* восходит к протоуральскому отыменному суффиксу имён **la/lä*, который уже в финно-угорское время выполнял локальную функцию (ОФУЯ 1974 : 260—262; Rédei 1996 : 259). Об аблативе в марийском языке см. дополнительно Алхониemi 1968; 1975; 1977.

³ Э. Итконен придерживается мнения, что лативный суффикс *-eš* развился в определенных семасиологических условиях из краткой формы иллатива, которому предшествует редуцированный гласный, например, иллатив: *кидыш* > латив: *кидеш* (Itkonen 1962 : 110; см. также Bereczki 2002 : 34); по А. Алхониemi, лативное окончание *-eš* = *s*-овый латив (Alhoniemi 1967; ср. Галкин 1986 : 23).

⁴ Марийский инессив имеет в финно-угроведении две трактовки. По традиционной точке зрения, *-st-* < *-sn-* (см. Korhonen 1975 : 116; Rédei 1996 : 258; Bereczki 2002 : 40), хотя Г. Берецки пишет, что переход *-sn-* > *-st-* в марийском своеобразен, в качестве примера приводит только три слова с подобным звукопереходом, а именно: *писте* 'липа', *иште* 'дятел', *висте* 'полба' (Bereczki 1994 : 45). Вторая точка зрения представлена учеными бывшей советской лингвистической школы, по мнению которых окончание инессива образовано из двух суффиксов: лативного/иллативного **s* и локативного **t* (см. ОФУЯ 1974 : 252, 1976 : 45; Галкин, Мустаев 1984 : 26; Галкин 1986 : 22; о возможности существования *t*-ового локатива в финно-угорских языках см. Hajdú 1966 : 121; 1985 : 297—298).

⁵ Коаффикс *-l-* восходит к протоуральскому суффиксу имен **la/lä*. Об аблативе в марийском языке см. дополнительно (Alhoniemi 1968; 1975; 1977)

языке в годы «реализации марийского языка», или ср. количество пространственных падежей в соседних чувашском и татарском языках).

2) Падежная система марийского языка не проводит четкой границы между внутренне- и внешнеместными падежами, хотя различие в падежных окончаниях существует, например, окончания аблатива и элатива или иллатива и латива-датива. Сравнивая окончания современных пространственных падежей с окончаниями непродуктивных падежей, сохранившихся в наречных и послеложных формах, можно установить следующие соответствия (примеры приводятся для непродуктивных падежей, за исключением $-\check{s}e\check{s} \leftrightarrow -le\check{s}$):

$\check{s}tV \leftrightarrow -(l)nV$: марЛ *йлнӧ* 'внизу', *ймбалне* 'наверху', марГ, марСЗ *покшалны* 'посреди, в середине', *велнӱ* 'в стороне', *шайылыны* 'сзади, за';

$\check{s}kV \leftrightarrow -(l)kV$: марЛ *йлык(ӧ)* 'вниз', *ймба(л)к(е)* 'на поверхность чего-л., наверх', марГ *покшакы* — марСЗ *покшалкы* 'на середину', *велкӱ* 'в сторону', *шайылкы* 'назад, за, в отсутствие';

$-\check{s}e\check{s}$ (= совр. мар. предлог $-\gamma\check{d}\check{s}$) $\leftrightarrow -le\check{s}/-(l)\check{s}(\check{d}n)$: марЛ *тушеч* \leftrightarrow *тулеч*, *тышеч* \leftrightarrow *тылеч*; марЛ *йлыч(ын)* 'снизу', *ймба(л)ч(ын)* 'сверху', марГ: *покшац(ын)* ~ марСЗ *покшалац(ын)* 'посередине, из середины', *велц(ён)* 'со стороны', *шайылц(ын)* 'за, из-за, в отсутствие чего-либо';

$-e\check{s} \leftrightarrow -(l)an$: марЛ *йлан* 'вниз', *ймбалан* 'наверх', марГ, марСЗ *покшалан* 'посередине', *велӱн* 'на стороне', *шайылан* 'за'.

3) Итак, в марийском языке в современных пространственных падежах, выполняющих функции как внутри-, так и внешнеместной ориентации, выступают как прибалтийско-финско—волжский лативный суффикс $*s$, так и прибалтийско-финско—пермский коаффикс $*l$. Из таблицы видно, что элемент $-s-$ присоединялся большей частью к окончаниям местных падежей, выражающих внутрипространственные отношения (иллатив, латив, инессив, элатив), в то время как l -овый падежный суффикс сохранился в составе падежных окончаний аблатива, латива-датива, аппроксиматива, и его часто можно встретить в окончаниях застывших наречных и послеложных форм, выражающих в основном внешнепространственные отношения (см. выше).

4) Падеж, отвечающий на вопрос *откуда?*, на языковой конференции 1953 г. не был включен в падежную систему марийского литературного языка при распространенности, например, аблатива в диалектах: марЛ *аватлеч* 'от твоей матери', *ачатлеч* 'от твоего отца', марСЗ *салтаклец кодым* 'освобожден от армии (букв. остался от солдата)', марВ *мӱлеч*, *сакырлеч тутло шочшем* 'слаще меда, сахара мой родненький' и т.д. По мнению Е. Коведяевой, суффикс $-леч/-лец$ в прошлом мог быть общемарийским, о чем свидетельствуют и сочетания марЛ *тылеч посна*, *тулеч посна*, марГ *тӱйлец анзыц*, *тӱйлец пасна*, *тӱйлец вара* (см. подробно Коведяева 1987 : 96—97).

5) На основании приведенных соответствий можно предположить, что иллатив с окончанием $-\check{s}kV$, латив на $-e\check{s}$ и аппроксиматив образовались несколько позже, уже после падежей с l -овым и s -овым элементами, потому что данные элементы в лативе и аппроксимативе не выступают в качестве первого основного компонента, а в окончании иллатива

элемент *-k* не обязателен. Относительно аппроксиматива следует подчеркнуть, что форма *-škāla* характерна только для имен существительных, к формам наречий места с *k*-овым и *-eš*-овым лативом присоединяется непосредственно окончание *-la*: *ончыкыла, јлыкыла, кјшкыла, покшекыла, мӱнгешла, ваштарешла* и т.д. Нельзя оставить без внимания и тот факт, что в отдельных говорах восточного наречия вместо данного суффикса в наречиях с *k*-овым лативом используется лативный суффикс *-eš*: марЛ *јлыкыла* ~ марВ *јлћкеш* 'вниз', *кјшкыла* ~ *кјксеш* 'вверх': *немнан урем јлћкеш тайыл* 'наша улица идет под гору' (см. Коведяева 1987 : 105). Данное обстоятельство является своего рода подтверждением тому, что первоначальный вариант лативного суффикса был *-eš*, его краткая форма *-š* после ударного гласного *-a* в луговом наречии представляет собой продукт более позднего развития.

3. Развитие и образование в марийском языке как внутриместных падежей (латив на *-s* [иллатив на *-skV*], инессив на *-stV*, элатив на *-sta*), так и внешнеместных (*-lkV*, *-lnV*, *-lta*) — современные наречные формы были когда-то самостоятельными именами существительными, обозначающими пространственные понятия, и только благодаря пространственным падежным окончаниям они со временем перешли в разряд наречий — я рассматриваю как развитие единой системы, т. е. путем присоединения к *s*-овому и *l*-овому элементам финно-угорских суффиксов латива, локатива, аблатива. В данном случае для марийского инессива второй путь развития — присоединение *t*-ового локатива к *-s* — логично считать более вероятным, чем переход прибалтийско-финско—волжского *-sn-* на марийской почве в *-st-*. Предпочтение в выборе *t*-ового локатива можно объяснить, во-первых, его первоначальной внутренней ориентацией, во-вторых, наличием *t*-ового локатива в соседних чувашском и татарском языках, и, в-третьих, сохранением *n*-ового локативного суффикса за словами с внешне-пространственной ориентацией. Относительно элатива с окончанием *-sta*, следы которого сохранились в марийском языке, можно сказать, что он не смог развиваться до самостоятельного падежа из-за послелога с аналогичной семантикой. Аблатив на *-lta* в современном марийском языке замещается конструкцией с послелогом марЛ *деч* ~ марГ *дори*.

В связи с развитием внутриместных пространственных падежей в отдельных финно-угорских языках хотелось бы напомнить бинарную оппозицию М. Корхонена — маркированность ↔ немаркированность —, по которой прибалтийско-финско—волжский *s*-овый падеж первоначально не был маркированным, и маркированные инессив и элатив возникли путем присоединения окончаний локатива *-na* и аблатива *-ta*, падеж с «голым» *-s* получил собственно лативную функцию. Это подтверждается тем, что составной суффикс иллатива среди внутриместных падежей, по мнению М. Корхонена, самый молодой. Он пишет, что сложное окончание иллатива типа *-s + -n* встречается только в прибалтийско-финских языках и в саамском (в частицах также в мордовском), в то время как инессив *-s + -nз* имеется во всех прибалтийско-финско—волжских языках, а элатив с окончанием *-s + -tз*, кроме марийского, в остальных языках (о марийском см. выше). По его мнению, марийский иллативный суффикс *-škV* восходит ко

времени самостоятельного развития марийского языка (Korhonen 1975 : 116; 1979 : 14). Относительно марийского иллатива следует подчеркнуть, что его окончание *-škv* не оформилось окончательно, иллатив — единственный пространственный падеж, имеющий два варианта окончаний, краткий *š*-овый (марЛ *школыш* 'в школу', *пашаш* 'на работу', *пӧртыш* 'в дом', марГ *кудывичӱш* 'во двор', *солаш* 'в деревню' и т. д.) и полный с *-škv* (*школышко*, *пашашке*, *пӧртышкӧ*, *кудывичӱшкӱ*, *солашкы* и т. д.), более употребительна краткая форма (о краткой форме латива, или обстоятельственного падежа, можно говорить только касательно слов с ударным конечным *-a* в лугово-восточном литературном варианте, она не носит характер общемарийского явления).

4. Марийский обстоятельственный падеж (латив на *-eš*). Данный падеж в системе марийских пространственных падежей (см. местный, направительный, обстоятельственный) является своеобразным падежом (см. Веке 1914 : 161—275; Fuchs 1933 : 105—114; 1937 : 292—322). О древности его формы на *-eš* говорит,

- 1) то, что в горном наречии независимо от конечного гласного используется одно падежное окончание *-eš*, и оно, как и в северо-западном наречии марийского языка, может присоединяться как к неодушевленным, так и к одушевленным предметам;
- 2) в луговом и восточном наречии выступает также вариант *-eš*, за исключением слов с конечным ударным *-a* (о форме на *-š* как результате позднего развития см. выше);
- 3) *eš*-овый обстоятельственный падеж в прошлом имел широкое распространение, об этом свидетельствуют многие наречные и послеложные формы, как, например, марСЗ *ӱлеш* 'вниз': *сала ӱлеш кейӱш* 'ушел в нижний конец деревни' (Иванов, Тужаров 1970 : 117), *пӧрӱенвлӱшт ӱлеш ӧлицӱ вокте кейт* 'мужчины идут вниз по улице', *велеш* 'на стороне, к': *шӱжӱ велеш тӱркем кем* 'к осени поеду домой', *кӱшеш* 'вверх, в верхний конец': *ӧлицӱ кӱшеш кейӱш* 'ушел в верхний конец улицы' (Иванов, Тужаров 1970 : 117), *изи ервезӱ, ӧвӱжӱм кӱцкӱрен, сала кӱшеш кейӱ* 'маленький мальчик, зовя мать, идет в верхний конец деревни', *кӱсеш* 'взаимы': *оксам кӱсеш пу* 'дай денег взаимы', *ӱшкетеш* 'на одного, одному': *тӱ оксат дӧн ӱшкетеш ситӱ питӱйӱш* 'этих денег хватит одному питаться', *ӱйӱреш* 'вокруг, в окрестностях': *ала ӱйӱреш пӧртӱм шӱнтеш* 'в окрестностях города построю дом', *угеш* 'в долг': *оксам угеш нӱлӱнлам* 'я взял деньги в долг' (Иванов, Тужаров 1971 : 251, 30, 103, 304, 68, 242); *мӧнгеш* 'обратно', *тореш* 'около, близ, у, напротив, поперек, наперекор', *ваштареш* 'против, вопреки, перед, под, к', *олмеш* ~ *вӱреш* 'взамен, вместо', *вашеш* 'к, перед, под', *пӱтнеш* 'за, вместо' (Галкин 1986), марГ *шотеш* 'за, вместо, в счет', *пачеш* 'позади, сзади, следом, вслед', *годеш* 'на, на время', *лӱмеш* 'имени кого-то, в честь кого-то, во имя кого-, чего-л.', *тӱреш* 'вместо, за, взаимы', *тӧреш* 'вровень с кем-л.', *кымдыкеш* 'езде, кругом, на весь округ, по всей площади', *анеш* 'наоборот; позади, за, обратно, назад, дальше', *курымеш* 'вечно, навеки, навечно', *кӱзӱйтеш* 'на время, пока', *уэш* 'снова, заново, вновь', *пӱйыртеш* 'ненадолго, на момент', *шукеш* 'надолго', *жепеш* 'на время, ко времени', *выртеш* 'на минуту, на момент', *вадеш* 'вечером', *тӱэш*: *тӱэш кодаш* 'оставаться без внимания, в стороне', *туреш* 'про

себя, самостоятельно', *такеш* 'даром, бесплатно, напрасно', *кукшеш*: *кукшеш кодаш* 'остаться сухим', *иктеш* 'заодно, вместе', *ӓрӓмеш* 'взаимы, в долг', *кӓргеш* 'внутри', марЛ *эпере* ~ *эпереш* 'напрасно' (большинство перечисленных горномарийских слов имеют параллели в луговом наречии).

Происхождение марийского обстоятельственного падежа, или латива, учеными финно-угроведами трактуется по-разному. На мой взгляд, следует исходить из бинарной оппозиции М. Корхонена и рассматривать два марийских лативных падежа в оппозиции к друг другу по маркированности ↔ немаркированности. В данном случае можно предположить,

1) что *s*-овый латив вначале был немаркированным, тогда для выражения конкретной внутриместной ориентации *s*-овый элемент присоединился к *e*-овому лативу (см. систему прамарийских лативных падежей по И. Галкину). Но так как значение последнего уже изначально было внутриместным, элемент *-s* примкнул не спереди, как ожидалось, а с конца, аналогично присоединению *s*-ового латива в марийском инфинитиве *-aš*. Лативный *-s* как бы помог древнему лативному суффиксу *-e* «вписаться» в систему внутриместных *s*-овых пространственных падежей и сохранить при этом свое внутриместное значение по сравнению с марийским иллативом, оставшимся, пользуясь терминологией М. Корхонена, «немаркированным лативом» в парадигме пространственных падежей марийского языка. Данное предположение является своего рода поддержкой мнения И. Галкина, по которому окончание обстоятельственного падежа восходит к лативному окончанию *-e* (Галкин 1986 : 23). По И. Галкину, в марийском языке латив на *-e* не развился в самостоятельный падеж, но сохранился в наречиях и послелогах, например, марЛ *веле* 'на, к, при', *вере* 'в каком-то месте', *кокыте* ~ *кокте* 'надвое, пополам', *тупе* 'обратно', *тупепе* ~ *тупа-тупа*, *тупе-ваше* 'спиной к спине, спина к спине', *пеле* 'наполовину', *йыгыре* 'рядом', *поче-поче* 'друг за другом, вслед', марГ *ӓре-ӓре* 'вразброс, местами, кое-где', *туре* 'около, напротив': *тӓдӓй пӓрт туре шагалеш* 'он останавливается около, напротив дома', марСЗ *вокте* 'возле, около, подле, у': *йенвлӓ ӓлицӓ вокте кейӓт* 'люди идут по улице', *йаре* 'вперемешку, вместе', *парше-парше* 'друг за другом, вслед', *парше* 'еже-, изо-': *кеӓй парше каштеш* 'ходит ежедневно', *тенке* 'в эту сторону, поближе, по эту сторону': *ме аты тенке толына* 'мы идем по эту сторону леса' и т. д.

2) В связи с перечисленными словами на *-e* можно предположить, что они с первоначальным ауслатным гласным *-e* раньше также обозначали место. После отпадения конечного гласного у них гласный *-e* сохранился для определения места, и данная функция впоследствии была зафиксирована лативным элементом **s* (эту мысль высказал во время консультации Я. Пустаи, за что я ему благодарна), или иначе, развитие окончания *-eš* как бы связывается с переразложением слова, когда «конечный гласный основы стал мыслиться как составная часть суффикса» (ОФУЯ 1974 : 203). Позднее, чтобы разграничить *s*-овый «немаркированный» латив и *es*-овый латив, к немаркированному лативу примкнул древний лативный суффикс *-k*, но только факультативно, аналогично присоединению *k*-ового латива к *l*-овому коаффиксу.

3) Представляется возможным и иной путь развития окончания марийского обстоятельственного падежа, а именно: *še* > *eš*, т. е. лативный *-s* и в этом случае (ср. инессив, элатив) выступал как бы в качестве первого основного элемента при образовании сложного окончания. Здесь можно провести параллель с развитием окончания *-eš* 3-го лица единственного числа глаголов первого спряжения из формы активного причастия: *лудеш* 'читает' < *лудшо*, *толеш* 'приходит' < *толшо*, *модеш* 'играет' < *модшо* и т. д. Интересно с этой точки зрения слово *вӱлше* 'друг на друга' (Веке 1997 : 241), имеющееся в северо-западном и горном наречиях (по Веке 1997: J V K) (см. также *вӱлше-вӱлше* 'друг на друга': *кинде вӱлше-вӱлше кият* 'буханки хлеба лежат друг на друге', *вӱлшелӓ* ~ *вӱлшелӓ* '1. друг на друга, одно на другое, взаимно, один за другим; 2. название одного из узоров вышивки', например, *вӱлшелӓ шагалда* 'вставайте друг за другом', *меленӓм вӱлшелӓ идӓ опты* 'не кладите блины друг на друга', *йӱгӱре агыл, ӓ вӱлшелӓ опташ* 'не рядом, а одно на другое складывать'), суффикс *-še-* которого можно было бы рассматривать как первоначальный вариант окончания латива.

Сохранение обстоятельственного падежа в падежной парадигме марийского языка было обусловлено, в первую очередь, управлением глаголов, которые по древней традиции требовали данного падежа. Развитие конкретной локализации, пространственных падежей с вопросами *где? куда? откуда?* в целом связано с управлением глаголов, с их семантической наполненностью, или иначе, управление глаголов материализуется в падежных окончаниях (см. Pusztaу 1995 : 103—107). В марийском языке из двух внутриместных падежей *s*-овый латив (современный иллатив) позднее начал выполнять функции и внешне-местной ориентации, чем, с одной стороны, объясняется и присоединение к нему *k*-ового латива. Факт, что в марийском языке имеется или сохранилось два лативных падежа, не вызывает удивления, так как для финно-угорских языков всегда было характерно наличие большего количества лативных падежей по сравнению с локативными и аблативными (см. Korhonen 1975; 1979).

Относительно развития функций современного иллатива и латива А. Алхониemi подчеркивает, что они возникли во время самостоятельного развития марийского языка. Функции лативных форм по сравнению с функциями иллатива разнообразны, основная функция – передача места появления и его изменения, а также многочисленные модальные функции, в то время как иллатив выражает в первую очередь переход действия с одного места на другое или его направление (Alhoniemi 1967).

Address:
Margarita Kuznetsova
Berzsenyi Dániel Főiskola, Szombathely
E-mail: kmarg@bdf.hu
Phone: +36 94 330-735

Сокращения

ОФУЯ 1974 — Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков, Москва; **ОФУЯ 1976** — Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки, Москва.

ЛИТЕРАТУРА

- Г а л к и н И. С. 1964, Историческая грамматика марийского языка. Часть I, Йошкар-Ола.
— 1986, Марий йылмын исторический грамматикуже. Морфологий да синтаксис, Йошкар-Ола.
- Г а л к и н И. С., М у с т а е в Е. Н. 1984, Финно-угроведенийын негызше. Морфологий. Синтаксис. Лексика, Йошкар-Ола.
- И в а н о в И. Г. 1975, История марийского литературного языка, Йошкар-Ола.
- И в а н о в И. Г., Т у ж а р о в Г. М., 1970, Северо-западное наречие марийского языка, Йошкар-Ола (Диалекты марийского языка. Выпуск I).
— 1971, Словарь северо-западного наречия марийского языка, Йошкар-Ола (Диалекты марийского языка. Выпуск II).
- К о в е д я е в а Е. И. 1987, Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. Марийский язык, Москва.
- С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1964, О современной и древней системе марийских падежей. — Вопросы марийского языкознания 1, Йошкар-Ола, 104—110.
- Х а й д у П. 1985, Уральские языки и народы, Москва.
- A l h o n i e m i, A. 1967, Über die Funktionen der Wohin-Kasus im Tschere-missischen, Helsinki (MSFOu 142).
— 1968, Über die distributive Verwendung der tscheremissischen Postposition -*γäč*. — CIFU II, 7—16.
— 1975, Zum Gebrauch der Woher-Kasus in der marischen Komparation. — CIFU III, 463—469.
— 1977, Zur Verwendung der Trennungskasus im Tschere-missischen. — FUF XLII, 5—131.
- B e k e, Ö. 1914, Finnugor határozós szerkezetek. — NyK 43, 161—275.
— 1997, Mari nyelvjárás szótár (Tschere-missisches Dialektwörterbuch) I. *a—β(b)*, Savariae (Bibliotheca Ceremissica. Tomus 1).
- B e r e c z k i, G. 1990, Chrestomathia Ceremissica, Budapest.
— 1994, Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I, Szeged (Studia Uralo-Altica 35).
— 2002, A cseremisz nyelv történeti alaklata, Debrecen (Studies in Linguistics of the Volga region. Supplementum D).
- C a s t r é n, M. A. 1845, Elementa grammatices Tschere-missae, Kuopio.
- F u c h s, R. R. 1933, Übereinstimmende Lativkonstruktionen in den finnisch-ugrischen und türkischen Sprachen. — Liber semisaecularis Societatis Fenno-ugricae, Helsinki (MSFOu LXVII), 105—114.
— 1937, Übereinstimmungen in der syntax der finnisch-ugrischen und türkischen sprachen. — FUF XXIV, 292—322.
- H a j d ú, P. 1966, Bevezetés az uráli nyelvtudományba, Budapest.
— 1987, Die uralischen Sprachen. — P. Hajdú, P. Domokos, Die uralischen Sprachen und Literaturen, Budapest, 21—450.
- I t k o n e n, E. 1962, Beobachtungen über die Entwicklung des tscheremissischen Konjugationssystems. — Commentationes fenno-ugricae in honorem Paa-vo Ravila, Helsinki (MSFOu 125), 85—125.
- K o r h o n e n, M. 1975, Merkmalhaftigkeit und Merkmallosigkeit in den finnisch-ugrischen Lokalkasussystemen. — CIFU III, 111—117.
— 1979, Entwicklungstendenzen des finnisch-ugrischen Kasussystems. — FUF 43, 1—21.
- K u z n e c o v a, M. 1999, Das tscheremissische Lokalkasussystem im Vergleich mit dem ungarischen. — MANYE. A nyelv mint szellemi és gazdasági tőke II. A VIII. Magyar Alkalmazott Nyelvészeti Konferencia előadásainak gyűjteményes kiadása. 1996. április 16—18, Szombathely, 67—72.

- 2001, Das tscheremissische Lokalkasussystem. — Zur (Morpho)-Syntax der uralischen Sprachen. Materialien zweier Konferenzen über Die (Morpho)Syntax der uralischen Sprachen (Szombathely, Oktober 1997, 1998), Szombathely (Specimina Sibirica. T. XVI), 34–44.
- P u s z t a y, J. 1995, Diskussionsbeiträge zur Grundsprachenforschung (Beispiel: das Protouralische), Wiesbaden (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica, Band 43).
- R é d e i, K. 1996, Zu der Geschichte des PU-PFU Kasussystems. Die Rolle der Koaffixe in der Herausbildung der Deklination. — 100 Jahre finnisch-ugrischer Unterricht an der Universität Uppsala. Vorträge am Jubiläumssymposium 20.–23. April 1994, Uppsala (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia 26. Lapponica et Uralica), 257–276.

MARGARITA KUZNECOVA (Szombathely)

DAS SYSTEM DER LOKALEN KASUS IM MARISCHEN

In der marischen Gegenwartssprache gehören der Lativ, Illativ und Inessiv zu den lokalen Kasus, wogegen der Dativ und Komparativ ihre lokale Bedeutung verloren haben. Der Grund dafür, warum sich neben dem Illativ und Inessiv auch der Lativ gehalten hat, liegt darin, dass die ursprünglich den Lativ nach sich ziehenden Verben ihre Rektion bewahrt haben. Die Funktionen der lokalen Kasus haben sich endgültig in der Periode der eigenständigen Entwicklung der marischen Sprache herausgebildet. Die Funktionen des Lativs sind vielseitiger: er gibt allgemein Auskunft über die Handlung und drückt deren Veränderung sowie verschiedene modale Bedeutungen aus. Der Illativ hingegen verweist in erster Linie auf die Richtung.